

А. В. КОСЯН. *Лувийские царства Малой Азии и прилегающих областей в XII—VIII вв. до н. э. (по иероглифическим лувийским источникам)*. Издательство «Гитутюн» ИАН РА, Ереван, 1994, 150 с.

В исследованиях, посвященных истории и культуре древней Малой Азии, Северной Сирии и сопредельных районов в период после падения Хеттской империи (XII—VIII вв. до н. э.), крайне недостаточно использовался автохтонный эпиграфический материал, оставленный немалым рядом относительно мелких политических единиц — лувийских царств и городов-государств. Последние являлись прямыми потомками империи хеттов, продолжая ее государственные и культурные традиции.

В середине нашего столетия, после начала дешифровки иероглифического лувийского письма (ранее бытовал ошибочный термин «иероглифический хеттский»), известные зарубежные ученые П. Мерпдж, Э. Ларош, И. Гельб, И. Фридрих, Х. Кронассер, Д. Хокинс и др. многое сделали для ввода материала этих надписей в научный оборот. Однако это были единичные попытки, далеко не полно отражавшие все возможности иероглифического лувийского эпиграфического фонда, составляющего в общей сложности более 300 надписей и фрагментов.

Наличие лувийских царств на территории древней Малой Азии в указанный период устанавливалось, главным образом, с помощью данных синхронных ассирийских и урартских клинописных источников. Подобный односторонний подход к исследуемой теме, естественно, накладывал своеобразный отпечаток на воссоздаваемую историю региона.

Издания недавно монография молодого, но уже известного хеттолога А. В. Косьяна, сотрудника Института востоковедения, весьма ценна именно вводом в широкий научный оборот иероглифического лувийского эпиграфического материала, попыткой привлечения его при

реконструкции истории интересующего нас региона в послехеттский период. Книга полностью посвящена изучению исторического материала иероглифических лувийских надписей. В ней подробно рассматриваются внешние характеристики надписей, данные, относящиеся к истории многочисленных лувийских царств, вопросы топонимики и ономастики.

Это первый значительный опыт всестороннего изучения истории лувийских царств древней Малой Азии, главным образом, с помощью иероглифических лувийских надписей, а не только лишь односторонних сведений давно известных синхронных клинописных источников. Результаты исследования, как справедливо полагает сам автор, несомненно могут быть использованы в дальнейшем при составлении фундаментальных трудов по истории региона.

В четырех главах книги подробно рассматриваются внешние характеристики иероглифических лувийских надписей, исторический материал, содержащийся в надписях многочисленных лувийских царств — Мелида, Табала (со своими составными частями), Гургума, Куэ, Каргамиса, Тил-Барсипа, Хамата, Куммуха, а также иероглифическо-лувийская топонимика и ономастика.

Личный вклад автора в чтение и интерпретацию все еще недостаточно изученных иероглифических надписей довольно велик. Во всех разделах книги встречаются многочисленные новые наблюдения, которые представляют значительный интерес для глубокого исследования истории древней Малой Азии в послехеттский период.

Автор прав, опровергая выдвинутое в специальной литературе мнение о тождественности имени Сулумили, правителя

заевфратского царства Мелнда пероглифических лувийских источников, с Сулехавати (?) урартской надписи из Балу (в долине Арацани). В этой связи он обращает внимание на то весьма важное обстоятельство, что в последнем случае мы имеем дело не с собственным именем, а с нарицательными словами *a-sa-li-e ha a i-a-li* «области (он) завоевал» (см. с. 21 и прим. 18 на с. 113).

Определенный интерес представляют наблюдения А. В. Косяна на основании пероглифических лувийских надписей из Мелнда относительно территориальных пределов этого малоазийского царства (см. с. 27—28). По его мнению, судя по местам находок надписей, центром государства являлся бассейн реки Тохмасу или, точнее треугольник, стороны которого охватывали территорию начиная от современной Малатыи до Гюрюпа на западе, Эльбистана на юге и отсюда вновь до Малатыи. К тому же на востоке и на юге естественными границами Мелнда, вероятно, были река Евфрат и горы Армянского Тавра (современные хребты Энгизек и Малатья). Автор считает возможным, что в пору своего расцвета Мелнд мог иметь какие-то территории и на другом (восточном) берегу Евфрата. Кстати, это предположение автора подкрепляется сведениями урартских клинописных источников. Что касается южных границ царства Мелнда, то здесь, несомненно, с ним соседствовали Куммух (античная Коммагена), Гургум с центром в Маркасу (современный Мараш) и Каргамис (современный Джераблус на западном берегу Евфрата).

Внимание автора привлекает титул *tarawag(a)las* Васусармаса (геср. ассир. Вассурме), правителя царства Бит-Буруташ Табала в VIII в. до н. э. (см. с. 31—32). Хотя этот титул установлен П. Мериджи, однако тот не занимался его интерпретацией. По мнению А. В. Косяна это слово напоминает титул хеттских царей—*i/labaḡna*. Такое сопоставление он считает правомочным на основании существования чередования *i/l* также в пероглифическом лувийском. Склонность Васусармаса к использованию архаических форм знаков и архаической конструкции своей титулатуры как-будто кос-

венно свидетельствует о возможности применения им древнего титула. Тип титулатуры «(великий) царь + и-и-и + (великий) царь» в данном случае является явным архаизмом, так как в IX—VIII вв. до н. э. он нигде больше не встречается.

Значительный интерес представляет также установленная в книге локализация одного из важнейших царств—Туваны (геср. ассир. Туханы) Табала. Исходя из местоположений туванских надписей, центральную область его автор ищет (см. с. 38) между современным городом Эрегли на западе и северными предгорьями Киликийского Тавра (Киликийских ворот), охватывая на севере район современного города Нигде. Следовательно, местоположение Туваны, которая, таким образом, контролировала единственный горный проход, соединяющий центральную Анатолию с равниной Киликией, где находилось другое широко известное лувийское царство—Куэ, свидетельствует о ее весьма важном стратегическом значении.

С другой стороны, автор книги обращает внимание на то весьма важное обстоятельство, что в XII—IX вв. до н. э. территория Табала, возможно, входила в состав какого-то соседнего государства, в силу чего исключалась возможность составления собственно табальских царских надписей. Поэтому на основании, правда, скудных, но весьма важных сведений, содержащихся в надписях царства Мелнд, А. В. Косян приходит к выводу о том, что в указанный выше период территория Табала могла входить в состав Мелнда, и лишь в IX в. до н. э. или несколько раньше, т. е. перед известным походом ассирийского царя Салманасара III в 837 г. до н. э. в Малую Азию, мог произойти распад Мелнда, в результате чего и образовались мелкие царства Табала (см. с. 46).

Определенный интерес вызывает также предложенная автором локализация города Алатах приевфратского царства Каргамис. Правда, город с таким названием не встречается ни в хеттских, ни в других письменных источниках, но, исходя из некоторых фактов косвенного порядка, автор считает возможным сопоставление иероглифического Алатаха с

городом Алалах (к западу от Алеппо, на месте совр. Телль-Ачана)—столицей северосирийского царства Мукиш, известного из текстов II тыс. до н. э. В этой связи его внимание привлекают чередования /l/, весьма часто встречающиеся в анатолийских языках. Можно сравнить хотя бы идентификацию названия гор Miti и Muli в Киликии (см. с. 61 и прим. 39 на с. 130).

Весьма интересны и ценны соображения автора книги относительно личных имен Kirti(ya)s и Mitas пероглифических лувийских надписей, которые, несомненно, созвучны с именами Гордиоса и Мидаса, царей Фригии (см. с. 95–97). При решении этого вопроса, по мнению А. В. Косяна, полезны будут также аргументы общен исторического и текстологического характера.

Появление фригийского династического имени Гордиос у правителя Kirti(ya)s лувийского царства (А)туны в книге убедительно объясняется тем, что это царство с запада тесно соприкасалось с ареалом распространения фригийского культурного мира. К тому же имя в виду сам факт создания фригийского царства и его активную внешнюю политику во второй половине VIII в. до н. э., а также более чем четырехвековое соседство носителей фригийского и анатолийского языков, нетрудно предположить, что территория (А)туны к тому времени могла испытать фригизацию в буквальном смысле этого слова. Именно этим обусловлено появление фригийского имени не только у царя (А)туны, но и у большого количества определенных лиц разных социальных категорий из района совр. города Кайсери. При этом был ли царь (А)туны фригийцем или лувийцем, судить трудно. Но следует иметь в виду, что его отец носил имя Аскупсис или Аз(а)хасис, которое, все же, в какой-то мере созвучно с Асканий—именем отца фригийского царя Гордиоса.

Что касается Митаса, то это имя упоминается в двух небольших пероглифических надписях на каменных кубках, обнаруженных за пределами распространения малоазийской пероглифики—в Вавилоне, что делает невозможным определение первоначального места их состав-

ления. Однако, несмотря на это, вряд ли можно сомневаться в том, что они происходят именно из Фригии. К тому же обе указанные выше надписи палеографически относятся к VIII в. до н. э. Уже тот факт, что имя Мидаса больше не встречается в других пероглифических лувийских надписях, может свидетельствовать о том, что оно не было в ходу у лувийцев. Но, с другой стороны, привлекает к себе внимание многократное упоминание нарицательного имени mīta(i)s в пероглифических лувийских надписях со значением «слуга» (царя). Следовательно, этот факт и идентичность пероглифического Митаса с Мидасом—именем царя Фригии, может послужить вполне серьезным аргументом в пользу вывода о культурном воздействии анатолийского мира на фригийцев.

Касаясь, наконец, общей оценки рецензируемой работы, следует учесть, что изучение истории лувийских государственных образований с помощью собственно пероглифического лувийского материала, ставшего доступным лишь с начала 50-х годов XX века, ныне уже открывает сравнительно большие перспективы для дальнейшей более детальной разработки интересующей нас тематики. Привлеченные же до недавнего времени для этой цели весьма скудные и порой противоречивые сведения ассирийских и урартских клинописных источников односторонни, к тому же они освещают лишь те периоды истории рассматриваемого региона, когда лувийские царства стали объектом военной экспансии Ассирии и Урарту. Однако, так называемые «мирные» периоды их истории составляют довольно значительные «темные пятна», осветить которые в состоянии лишь собственные, автохтонные пероглифические источники.

С другой стороны, следует иметь в виду, что для воссоздания полной истории лувийского региона возможности науки даже теперь, довольно ограничены, так как известные пероглифические надписи отрывочно освещают лишь некоторые исторические периоды отдельных государственных образований. Исходя из этого, в рецензируемой работе, естественно, не исследованы все аспекты политической

жизни как отдельных царств, так и всего региона в целом. Деление же исследования на две основные части («Малая Азия» и «Северная Сирия») обусловлено тем, что эти географические единицы лувийского региона, судя по письменным источникам, относительно четко отличаются друг от друга как в географическом, так и в военно-политическом и культурном отношении.

В заключение можно сделать следующие основные выводы о научных нововведениях рецензируемой работы:

1. Систематизация пероглифических надписей по лувийским царствам.

2. Уточнение локализаций ряда лувийских царств, в частности Мелида, Табала и Каргамиса, в отдельные периоды их истории.

3. Установление характера взаимоотношений Мелида и Табала в ранний период лувийской государственности.

4. Выдвижение теории о постепенном политическом раздроблении лувийского ареала в течение XI—X вв. до н. э.

5. Систематизация топонимического материала пероглифических лувийских надписей, который наглядно показывает преобладание лувийского этнического элемента в послететтской Малой Азии.

6. Анализ характера политических сдвигов в Каргамисе в X в. до н. э. и в царствах Табала в конце VIII в. до н. э.

Доктор исторических наук
Н. В. АРУТЮНЯН